

спектакляў і відэазапісаў, мой роздум пра рэжысуру і харэаграфію некалі дойдзе да чытача. Бо паўставала пытанне, старое як свет, — грошы.

Давялося тры гады чакаць, пакуль выйдзе кніга. Тыраж яе невялікі — дзве тысячы. Дзве мовы, руская і англійская. Шмат здымаў, сучасны дызайн. Зразумела, такі том танным быць не можа. Экзэмпляр каштуе 100\$. Думаю, большая частка тыражу будзе распаўсюджвацца і ў Расіі, і за мяжой падчас шматлікіх гастроляў трупы Санкт-Пецярбургскага дзяржаўнага акадэмічнага тэатра балета. Невыпадкова аўтарытэтны амерыканскі балетны крытык Ганна Кісельгоф пісала: «Балетны свет, які шукае галоўнага балетмайстра, можа спыніць пошук. Ён ёсць, гэта Барыс Эйфман, расіянін з Санкт-Пецярбурга».

Ольга Поклонская — Юлия Чурко: «ИСКУССТВО НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ СКУЧНЫМ»

«Обозреватель», № 33 (363),
14 августа 2009 г.

В свое время она была первой балериной, которая заочно поступила в университет, потом первым балетным критиком, который вместе с коллегой Владимиром Ивановым поставил балет «Кружеверть». Сегодня она пишет художественные книги, главные герои которых так или иначе связаны с балетом. Но читать их, смею заверить, по-настоящему интересно и людям, далеким от этого вида искусства.

О балете, литературе и жизни наш разговор с Юлией Михайловной Чурко.

— На ваш взгляд, после ухода Валентина Елизарьева, с именем которого связывают расцвет национального хореографического искусства в Беларуси, нашему балету грозит упадок или роль личности в искусстве сильно преувеличена и не является решающей?

— От личности в искусстве зависит очень многое. С приходом в театр Елизарьева на нашей сцене стали ставиться балеты («Тиль Уленшиггел», «Сотворение мира»), которые было интересно смотреть, о которых было интересно писать. Его постановки и сегодня составляют основу репертуара Национального академического театра балета. И без него, думаю, для белорусского балета настанут непростые времена. Талантливых балетмейстеров сегодня во всем мире наперечет. На постсоветском пространстве только в Санкт-Петербурге остался единственный авторский театр Бориса Эйфмана, которым руководит сам творец. Но Эйфман — уникальный балетмейстер, мировая величина. А остальные балетные коллективы давно пошли по ниспадающей. В крупных городах России должности главных балетмейстеров, как правило, занимают бывшие ведущие танцоры. Советы попечителей балета, состоящие из олигархов и банкиров, обеспечивают коммерческую сторону искусства, и поэтому они назначают руководителей, выбирают репертуар. Вот и у нас сегодня художественным руководителем стал прекрасный танцовщик, умный человек Юрий Троиц. Каким он окажется балетмейстером, посмотрим...

«Балет на котурнах» сменяет модерн, идеального героя — реальный, сложный человек

— *Как бы вы в целом оценили современное балетное искусство, что оно теряет, чем, наоборот, обогащается? Как относитесь к пересмыслению классики современными хореографами?*

— Сколько собственно классических балетов осталось сегодня в репертуаре театров? «Лебединое озеро», «Жизель», «Тщетная предосторожность». «Баядерка», «Дон Кихот», «Спящая красавица» уже переделываются, модернизируются. А остальные балеты — это синтез разных жанров и стилей. У современных постановщиков уже другой художественный язык, который формируется под влиянием самых разных пластов искусства. Классический танец впитывает в себя и фольклор, и народный танец, и модерн. Изменились требования к форме, эстетике танца. Есть коллективы, которые ставят чистый модерн, там уже отказались

от пуантов. И кстати, некоторые современные спектакли лично мне очень нравятся. Та же «Жизель» в постановке Матса Эка — это настоящее искусство. И мои студенты, например, предпочитают «Жизель» Матса Эка, а не классический, романтический ее вариант. Я 15 лет ездила на фестиваль современной хореографии в Витебск — первый на постсоветском пространстве, который начал культивировать модерн. И там было достаточно интересных постановок. Хотя американцы, французы сегодня нас обгоняют в модерне.

— *То есть балет тоже становится злободневным, по-своему отражая нашу противоречивую, сложную реальность?*

— Балет приближается к реальной жизни. На смену балету «на котурнах» с идеальными героями, роскошными декорациями закономерно пришел модерн с его гораздо более трезвым взглядом на человека, терзаемого страстями, несовершенного. Танцевальное искусство научилось создавать его образ в связи с многомерной действительностью.

— *Главный балетмейстер всегда должен быть диктатором?*

— Руководящие должности обязывают к сильному волеизъявлению. Помню, мы с Владимиром Ивановым ставили при Елизарьеве «Круговерть». Так вот артисты балета не особенно старались, понимая, что мы сделаем свой спектакль и больше они нас не увидят. А стоило «наябедничать» Елизарьеву на тех, кто не хотел работать, и они на следующий день были как шелковые. Да, я и сама, будучи балериной, не слушалась мягких балетмейстеров, стараясь навязать им собственное видение своей роли в спектакле. Если бы артистам давали волю, каждый бы тянул постановку на себя, и замысел бы распозался.

— *Вы сами были балериной, к тому же племянницей народной артистки А. Николаевой, потом в качестве искусствоведа многие годы писали о балете, знаете эту среду, этот мир изнутри. Правда, что это очень жестокий мир, а для успеха надо иметь характер настоящего гладиатора?*

— Как везде, люди в балете разные: кто-то предает, кто-то выручает. Бывало всякое. Иногда в туфли подкладывали... снотворное подливали в кофе. Но, правда, и то, что среди балерин поколения

моей тети были фанатично преданные искусству люди, которые часто жертвовали личной жизнью ради балета. И после ухода со сцены судьбы идут на слом. Один из моих партнеров, народный артист, ведущий танцовщик, красивый мужчина, уйдя на пенсию, пошел в грузчики и спился. Народная артистка, красавица Алевтина Корзенкова, покинув сцену, постепенно спилась и умерла в нужде и одиночестве. Труднее покидать сцену тем артистам, которые настроены на цветы, поклонников, успех, славу.

— *Вы были настроены на другое?*

— Моя жизнь в балете не была усыпана розами. Мне завидовали, поскольку я была племянницей Николаевой. Случалось, незаслуженно обижали, я уходила иногда из театра рыдая. Кроме того, балет — это огромные физические нагрузки. Мне трудно давались 32 фуэте, и каждый раз накануне их исполнения я думала, что завтра брошу балет... Когда ушла из театра, не могла нарадоваться. Я быстро нашла себя в качестве искусствоведа. Но со временем поняла, что в научных учреждениях интриг ничуть не меньше, чем в балете, просто они тщательнее скрываются. В целом, самые счастливые годы начались у меня вот в 50, когда уже не приходилось так упорно, как в молодости, бороться и отстаивать себя.

— *Сегодня талантливые танцовщики имеют возможность менять коллективы, сцены, зарабатывать деньги, делать имя. Это идет во благо искусству, мастерству?*

— В том, что танцовщики ищут не только простора для самовыражения, но и достойной оплаты своего труда, ничего плохого нет. Мастерство современных танцовщиков возросло. Стандарты задают великие — Вишнева, Захарова.

— *А Анастасия Волочкова — это талант или пример того, как сделать себе имя, прибегнув к помощи скандалов?*

— Анастасия Волочкова — неплохая балерина. Но притчей во языцех она стала, разумеется, за счет собственного пиара, который, кстати, можно расценивать как проявление нового типа мышления. Скандалы, эпатаж, безусловно, одно из средств подороживания интереса к собственной личности.

Кому, кроме специалистов, известна балерина Чернобровкина? А она потрясающая, лучше нее сегодня никто, пожалуй, не танцует «Лебединое озеро». Наверняка, ей неинтересно быть притчей на устах у всех. Плисецкая была очень яркой балериной. Но ее знают отчасти и потому, что она сама постоянно подогревала интерес к себе, в том числе и своими «разборками», конфронтацией с известными людьми. Майя Михайловна в своих мемуарах так «драконит» Юрия Григоровича, Гедиминаса Таранду, других, что, ей-Богу, это уже просто сведение личных счетов, от которых читателя вполне можно было бы избавить. Не случайно автобиографические книги Галины Вишневской и Майи Плисецкой называют «сочинениями народных мстителей».

— *Вы начали писать художественные произведения, чтобы расширить аудиторию, выйти за рамки искусствоведения?*

— Как искусствовед я писала не только о балете, народном танце, народно-сценическом, фольклорном, эстрадном, модерне. И постепенно себя исчерпала. Хотя после первого художественного опыта «Расставайтесь, любя» не исключала, что останусь автором одной книги. Но, оказалось, что процесс пошел. Знаю, что мало кто покупает книги, мало, кто читает, не обольщаюсь, что могу своими произведениями кого-то облагородить, просветить, воспитать. Но без писательства уже не могу жить.

— *Герои ваших произведений так или иначе связаны с балетом и наверняка имеют своих прототипов. Узнают ли люди себя, как реагируют на то, что вы вывели их в своих книгах?*

— Одна героиня с очень ломаной судьбой, прочтя одну из моих книг, узнала себя и отнеслась вполне доброжелательно: во-первых, наверное, потому, что она там достойно выглядела, а во-вторых, поняла, что это литература.

Прототип другого героя (от которого остался только эмоциональный импульс), очень талантливый человек, к сожалению, непризнанный у нас, женился на умной бизнес-леди, оставил искусство и теперь занимается хозяйством, ведет светскую жизнь. Встретив этого человека, я со стесненным сердцем подарила ему свою книгу, где главный герой в финале говорит: «У меня сейчас

все есть, но почему я прихожу к зданию, где танцевал мой коллектив? Кто я — потерпевший победу или празднующий поражение?» Не знаю, прочел, узнал ли этот человек себя в литературном персонаже, понял ли, что хотела сказать? Звонка от него я не дождалась.

— *В ваших книгах есть и элементы детектива, и откровенные сцены. Литературе сегодня никак не обойтись «без завлекаловки»?*

— Я расцениваю как комплемент, когда мне говорят: «Трудно поверить, что эти книги писала женщина вашего возраста». Мне важнее, если книга скучна — это страшно. Люди сегодня по-другому ведут себя, по-другому мыслят. Я забочусь о читателе, поэтому вношу детективные элементы даже в произведения, которые написаны в жанре «нон-фикшн» (литература, основанная на документальном материале), использую откровенные моменты, сексуальные сцены. Без этого ни жизнь, ни литература не может быть по-настоящему интересной для большинства.

Дело другое, у нас развелось много порно-писателей, которые не знают, что такое вкус и чувство меры. Нынешний гиперсекс — признак того, что полноценного секса стало меньше. Давно замечено: когда женщины одевают мини-юбки, это значит, что возросла их потребность в мужчинах, что настоящих мужиков не хватает, что мужчины стали слабее.

— *Верно ли, что артисты, в том числе балетные, отличаются весьма свободными нравами?*

— Нет. Балетная среда очень консервативная. Просто там все виднее: если союз распадается или кто-то кому-то изменяет, это быстро становится достоянием всех и активно обсуждается. А тот факт, что в Новосибирском академгородке, где я не одиножды была, все академики поменяли своих жен на более молодых, никого не удивляет.

— *Наверное, женщина, которая много лет «танцевала любовь» на сцене, и в жизни испытывает постоянную потребность любить и быть любимой.*

— Нет, Оля, я как раз из числа тех, кто считает, что без любви можно прожить, а вот без работы — никак. Муж может уйти, а женщина должна стоять на своих ногах. Это лучше удается,

когда есть дело. Только любимая работа не обманет и не предаст. Иногда, особенно в зрелом возрасте, бывают очень трудные моменты, и лично меня спасает только работа, возможность писать.

Марина Коктыш — Юлия Чурко:

«РАССТАВАЙТЕСЬ, ЛЮБЯ»

«Народная воля», 13 мая 2003 г.

«Мне уже за шестьдесят. Честно говоря, самой немного смешно от того, что в этом возрасте я вдруг начала писать о любви.

Но, с другой стороны, теперь я точно понимаю, что только после шестидесяти и начинаешь в чем-то разбираться. А молодая, ты стремглав несешься по жизни, дура душой, мало соображая, что к чему...»

Так говорит бывшая балерина, доктор искусствоведения Юлия Чурко.

— Юлия Михайловна, недавно у вас вышла книга с философским названием «Расставайтесь, любя». Многие в Национальном академическом театре балета решили, что вы описали личную жизнь некоторых звезд белорусского балета...

— Все мои одиннадцать предыдущих книг посвящены искусствоведению. «Расставайтесь, любя» — первый литературно-художественный опыт.

Я не люблю какие-то исключительные случаи, фантастические истории. Мне кажется, сама жизнь значительно любопытнее. Порой случаются такие ситуации, которые не придумает ни один фантаст.

Очень боюсь, что в моей книге найдут какие-то сходства, аналогии, параллели с реальными людьми. Хотя так случается и с писателями более крупного ранга. Безусловно, какие-то истории, описанные в книге, я видела сама, о чем-то мне рассказали, что-то, возможно, было со мной...